

Елена АЛБУЛ

Поэт, музыкант, модельер, дизайнер. Родилась и живёт в Москве. Окончила ГМУ им. Гнесиных по специальности «скрипка». Автор и ведущая программ на сетевом литературном телеканале «Литклуб.TV». Участница Форума молодых писателей России в Липках.

Автор книг для детей. Публиковалась в «Литературной газете», журналах «Москва», «Октябрь», «Мурзилка», «Костёр», парижском литературном альманахе «Глаголь», альманахе «Семейка» (Германия), сборниках фонда СЭИП.

Лауреат национальной литературной премии «Поэт года» (2014) в номинации «Детская литература». Неоднократный дипломант Всероссийского фестиваля юмористической и сатирической поэзии и песни «Ёрш» в различных номинациях.

СЛУЧАЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ ИОНОВОЙ

1

Декабрь, 1979

– Эх, опять детектива не будет, – хмыкнул Скворцов, танцующей своей походкой обходя захлавленную комнату. – Не везёт нам, Андреевна, с детективами, не везёт!

Марина всё ещё топталась у двери – делала вид, что продолжает осматривать место происшествия в целом. На самом же деле просто пыталась привыкнуть к запаху.

Воздух в комнате был густой, тяжёлый, многокомпонентный, хоть клади его в пакетик и бери в качестве вещественного доказательства. Солировала в этом коктейле наполовину высохшая лужа рвоты у кровати, где лежал покойник. Рядом на полу стояла пепельница с горой окурков, дальше чуть не до стены толпились пустые бутылки. Скомканная грязная одежда и тарелка с объедками завершали натюрморт. Да уж, пахло здесь чем угодно, только не детективом.

– Давай, давай, Андреевна, загадок тут нет, работаем, – поторопил её оперативник. И замурлыкал себе под нос что-то легкомысленное, ещё раз внимательно оглядывая каждый угол.

Постеснялся бы хоть вдовы, неодобрительно подумала Марина, подходя к кровати.

Но вообще ей нравилось работать со Скворцовым. Ромка был человеком лёгким, весёлым, а главное, не задавался перед девчонкой-следователем, которая всего третий год как с университетской скамьи.

А мог бы – опер он матёрый, хоть и самому несильно за тридцать. А что балагурит постоянно, так это ему не мешает, глаз у него как рентген-аппарат, ничего не пропустит. Марину же скворцовские шуточки только успокаивали и даже придавали уверенности, особенно в первый год. Скворцов тогда взялся её незаметно опекать (это ему казалось, что незаметно) и до сих пор всё подтрунивал над любовью младшего лейтенанта Ионовой к детективам, демонстративно сожалея, что их местное отделение милиции не может предложить университетской барышне ничего более изысканного, чем бытовая ссора с поножовщиной.

А тут и не бытовая ссора даже, а так, вообще ничего. Упился человек до смерти. Умер, как шутит в таких случаях Скворцов, от птичьей болезни. Есть у нас в стране такая болезнь распространённая, «пéрепил» называется, охотно объяснял он когда-то не сразу понявшей юмор выпускнице. Ага, есть такая болезнь, есть.

Человек, скончавшийся от птичьей болезни, звался Иваном Плотниковым, от роду имел 45 лет, числился электриком в поселковом ЖЭКе и в смерти выглядел, видимо, так же, как и в жизни, – вконец опустившимся пьяницей с лицом, полностью соответствующим своему статусу. Представить такого субъекта колдующим над электропроводкой с отвёрткой или с тестером в руках было невозможно. Как он к людям в дом-то приходил, покачала головой Марина. В маленькой квартирке, которую им с мужем выделили как молодым специалистам, недавно закончился ремонт, и почти всё они делали сами – то есть делал муж, а она помогала. Кандидат физико-математических наук Ионов не считал зазорным поработать руками и любил повторять чью-то знаменитую фразу, что «физик должен уметь пилить буравом и бурить пилой». Поэтому и пилил, и красил, и клеил, и, разумеется, со всей электрикой тоже разбирался сам. Но всё равно рабочих нанимать приходилось, однако такого, как этот Плотников, Марина и на порог бы не пустила.

Впрочем, электрик Иван Плотников давно уже нигде не работал и жил в содержании жены, медсестры поселкового детского сада.

– Ну что? – обратилась Марина к сидящему на корточках у кровати эксперту.

Юрий Юрьевич, человек пожилой и немногословный, с выцветшими от почти полного разочарования в людях глазами (слишком уж часто приходилось этим глазам смотреть на всякие непотребства), тоже относился к молодому следователю по-отечески. Однако сейчас он пребывал в раздражённом расположении духа – вызов на происшествие оторвал его от празднования дня рождения внучки. Он тяжело поднялся и хмуро взглянул на Марину.

– У меня тут особенных вопросов нет, Марина Андреевна.

– А у меня вот только один, – хохотнул Скворцов. Он мотнул рыжей головой в сторону бутылок и фальшиво запел: «А где мне взя-а-ать такую пе-чень?» Юрий Юрьевич нахмурился ещё больше и махнул на певца рукой – то ли чтоб замолчал, то ли в смысле экспертного заключения: мол, при таких объёмах никакая печень не поможет.

Одна из бутылок лежала на полу, почти докатившись до живописной лужи. Не эта ли оказалась роковой, мелькнуло в голове.

Вдова в комнату не входила, жалась в прихожей. Соседи-понятые косились на неё сочувственно, но в то же время и с пониманием обстоятельств.

– Где мы можем поговорить? – спросила Марина, выбрав самый бесстрастный тон из своего профессионального арсенала.

– На кухне, – тускло ответила вдова. И вся она была тусклая, съевшаяся, сливающаяся с убогой обстановкой. И лет-то ей сколько, на глаз не поймёшь.

Марина давно уже научилась справляться с неизбежно возникающим у неё чувством неловкости, когда рядом с ней, молодой, спортивной, счастливой, оказывались люди из совершенно другой жизни – жизни грубой и некрасивой, где пили друг с другом и били друг друга, матерились и плакали, и опять пили, и так без конца, по кругу. Ей казалось, что женщины из этой жизни тоже ощущают своё с Мариной чуть не классовое различие и поэтому относятся к ней с недоверием. Тогда она стала носить форму, хотя как следователь могла этого не делать. И помогло: форма странным образом отделяла привлекательную женщину, да и вообще женщину, от представителя того, у чего нет ни пола, ни возраста, ни лица. От самого Закона то есть.

Хотя, что уж греха таить, в форме выглядела она хоть куда. В будни по утрам муж до последнего следил, как она одевается, с риском опоздать стоял у двери, потом игриво бросал «Эх, хоть на работу не ходи!» и убегал в свой НИИ, а она ещё некоторое время с удовольствием рассматривала себя в зеркало, поворачиваясь то одним боком, то другим, и думала не о том, что ей сейчас ехать на службу, а о том, как вернётся вечером домой, к Николаю.

Но когда при исполнении – это совсем другое дело. Это не перед мужем в кителе красоваться. Форма сразу прекращала любое панибратство и попытки поговорить со следователем по душам. «Ты должна быть как врач, – напутствовал её в своё время любимый университетский профессор, – боль понимать надо, но болеть ею нельзя. Иначе и больного не вылечишь, и сама заболеешь». И Марина старалась. Очень старалась быть хорошим врачом.

Они прошли на кухню, и здесь следователя ждал сюрприз – кухня была опрятной и обставленной не без вкуса. Вокруг мойки, правда, громоздилась немытая посуда, на столе черствел разломанный батон, но стены блестели свежей краской, окно украшала штора в весёлую клетку, а в горшке буйно цвело растение, известное под народным названием «декабрист». Большие розовые цветки изящно свешивались ниже подоконника, и было их много – прямо-таки роскошный букет. Глядя на эту красоту, никак нельзя было представить, что рядом, за стеной, загаженная нора, где лежит на кровати труп злосчастного электрика.

Хозяйка заторможенно, механическим движением убрала со стола батон. Поколебавшись, смахнула на пол крошки. Вряд ли она всегда так делает, отметила Марина. Она села, положила перед собой стопку чистых протоколов и настрочила привычную начальную формулу: «Я, такая-то и такая-то, по существу заданных мне вопросов могу пояснить следующее...»

Но ничего особенного вдова пояснить не могла по одной простой причине – неделю назад она собралась, взяла тринадцатилетнего сына и уехала от пропойцы-мужа к маме, в соседний с их посёлком городок. Сегодня вот вернулась забрать оставшиеся вещи, а тут...

– А до сегодняшнего дня приезжали?

Приезжала два раза, прошелестела вдова. Вещей много, сын в школу ходит, там одних учебников столько, а ещё и зима – значит, обувь

и вообще всё тёплое взять надо. Помогать некому, сыну она сюда ходить запретила.

– С мужем виделись? Разговаривали?

– Нет. Один раз не было его. Потом пьяный лежал.

– Пьяный лежал? Откуда вы знаете, если его не видели?

– Куртка на вешалке была. А пьяный... это он всегда.

– Значит, раньше вы в его комнату не заходили. Почему вдруг сегодня решили зайти?

Женщина помолчала. Видно было, что говорить ей нелегко.

– Дверь у него... дверь в комнату открыта была. Я всегда просила закрывать. Там запах...

Марина представила себе эту жизнь: в комнате за дверью пьяное чудовище, а на кухне кто-то вешает весёлые шторы, поливает цветы, и эту иллюзию нормы поддерживает просьба к чудовищу держать дверь закрытой. Ох. Слабоватая поддержка. Бедная женщина.

Но надо было продолжать.

– Чем же вам помешал запах? Вы ведь не собирались тут оставаться?

Вдова, которая до этого смотрела куда-то в угол, перевела тупой взгляд на следователя. Не ответила. Марина ещё раз повторила отчётливо, как для детей:

– Почему – вы – пошли – закрывать – дверь?

– Не знаю... Автоматически.

Лицо женщины было до странности неподвижным. Будто мёртвым. Мертвее, чем у мужа. В шоке, определила Марина. Терпела, мучилась, ненавидела, а тут раз – и нет его, чудовища этого. И никогда больше не будет. Умер. Другая радовалась бы, а эта потрясена. Неужели ещё любила его – такого-то? Марина вспомнила опухшее, цвета переспелой сливы лицо покойника, представила себе слово «любовь» во всей его многозначности и содрогнулась.

С другой стороны, не так уж далеко ушло от этой женщины время свиданий – сыну всего тринадцать. Свадьба, потом ребёнок родился, первые шаги, ещё какие-то семейные радости. Может, жила в ней надежда, что всё это можно вернуть; может, и уходила она с таким расчётом? И сейчас перед её глазами не страшное мёртвое лицо, а что-то другое? Или самый ужас: думает, что если бы не ушла, он бы до смерти не упился...

Спрашивать, в общем, было уже не о чем. Слова соседей подтверждали все печальные подробности жизни семьи Плотниковых. «Два года назад она замок в их с Васей комнату врезала – отец-то не работал, денег у него нет, всё из дому ташил, менял на водку, а не хватало, так и одеколон пил и вообще всё, что подвернётся. Совсем пропащий был человек», – откровенничала дворничиха, которая сама, по сведениям Скворцова, тайно держала самогонный аппарат, но пока ни разу на этом деле не попадалась.

Ещё одна соседка своих чувств не скрывала.

– Может, и нехорошо это, не по-христиански, как говорится, но... Я вот очень за неё рада! Он ведь и бил её, знаете? Бил, бил, когда она ему денег не давала! Столько терпела, и всё ради сына. Теперь хоть поживут спокойно. Да и мой, может, пить меньше будет, побоится вот так-то в блевотине подышать. Тоже ведь алкаш алкашом...

Марина подвинула протокол к вдове.

– Прочитайте. Потом вот здесь напишите: «С моих слов записано верно, мною прочитано». И распишитесь.

Женщина не читая подписала страницу.

– Вы теперь куда? Сюда вернётесь?

– Нет! Переедем.

В первый раз на окаменевшем лице мелькнула тень какого-то чувства.

Но они не переехали. В то время непросто это было – переехать. Марина потом изредка встречала её. В автобусе, в магазине. Посёлок-то маленький.

2

Декабрь, 1999

Тяжелее всего было в праздники, и особенно в Новый год. Вообще хуже декабря не было месяца, и уже столько лет ничего не менялось. Чем ближе подбиралось тридцать первое число, тем труднее было возвращаться домой. А тут ещё этот Миллениум – все с ума посходили прямо, на каждом столбе рекламные щиты – Миллениум то, Миллениум сё. И ведь писали, разъясняли народу, что в действительности третье тысячелетие только через год начнётся, да без толку – эти нули всех заворожили. Особенно производителей всякой сувенирной ерунды.

Но, говоря откровенно, двойка с хвостом из трёх нулей выглядела впечатляюще. Когда Марина была школьницей, магическая дата казалась чем-то абстрактным, а главное, совершенно недостижимым. Пытаясь хоть как-то её осознать, Марина подсчитывала, сколько лет ей тогда будет. Получалось сорок восемь. Но представить себя почти пятидесятилетней было и вовсе невозможно. И вот – пожалуйста! Миллениум! Дожили. А на душе ни чуда, ни праздника. И ей почти полтинник. Тоска, одна тоска.

Автобус подпрыгивал на тёмной зимней дороге. Миллениум миллениумом, а дороги здесь и в двадцать первом веке такими же останутся, хотя до Москвы меньше ста километров. И не уехать из этого проклятого места. Не потому, что некуда, просто всё здесь, а всё для неё – это работа. И кормит, и держит. Жаль, на работе жить нельзя и приходится каждый день возвращаться в посёлок. Домой. Будь её воля, никогда бы в этот дом не вошла больше.

Карьера следователя Ионовой шла вверх так же стремительно, как летела вниз её жизнь. Укрупнялись звёздочки на погонах, множились грамоты и благодарности, за стеклом книжных полок красовался даже номер журнала «Советская милиция» с её портретом – молодая красавица в форме уверенно улыбается в объектив. Впереди отчётливо маячила должность начальника следственного отделения. И было, было за что Ионову назначать.

Однако заслужить признание коллег и начальства – это одно, а вот снискать уважение тех непростых персонажей, в общении с которыми и состояла её работа, – задача посерьёзнее. Но ей удалось и это. Бывало даже, что какой-нибудь из местных забубённых правонарушителей после ареста просил передать его дело Ионовой – раз уж всё равно в тюрьму, то хоть с уверенностью в справедливом следствии. Некоторые, отсидев, заходили с цветами и конфетами. Только с цветами и конфетами – безупречная репутация следователя Ионовой была известна всем.

Разве от этого можно уехать? Нет, в этот посёлок она вросла, её тут знают все, даже те, с кем она не знакома или кого забыла. Каждый может прийти со своей бедой, как к врачу, и она подскажет, поддержит, поможет. Ей самой вот только прийти некуда.

И в этом автобусе, что поздним вечером возвращался в посёлок, Марину тоже наверняка все знали. Но никто не подходил поздравлять с наступающим. На неё даже и не смотрел никто – все давно привыкли, что ей неприятно лишнее общение. Так бывает у тех, которые с горем живут. Отгораживаются. И люди понимают, уважают чужую беду.

Марина и сама ни на кого не смотрела. Не хотелось видеть радостные предновогодние лица. Сумки у всех горбились свёртками и коробками – наверное, подарки, которые в этот особенный Новый год выбирались особенно тщательно и уж точно были особенно дорогими. Люди ехали к своим ёлкам и к своим близким. У Ионовой уже несколько лет не было ёлки. А и была бы – её единственный близкий лежал бы под этой ёлкой пьяный до беспамятства.

Сначала-то все, что называется, принимали участие: советовали верное средство или рассказывали про какого-нибудь специалиста-кудесника. Подруги – у неё тогда ещё были подруги – делились опытом спасения собственных мужей. Да только мужья спастись не хотели; вернее, они спасались сами, но не от водки – от наступившего вдруг незнакомого, чуждого времени. То ли они его боялись, то ли оно их не принимало. А может, время было только поводом. Но, как бы то ни было, пьянство в их посёлке стало тогда повальным, и пили все вместе. Вместе работали, вместе дружили, вместе и спивались. Только вот дальше все шли поодиночке. Кто-то уже переселился на кладбище, кто-то из посёлка уехал – повезло зацепиться за что-то новое. Но в основном постаревшие и опустившиеся учёные хотя и приходили по-прежнему в свой НИИ, но занимались совсем не наукой. В институте теперь разливали по бутылкам минеральную воду, которую там же и готовили из водопроводной, да клепали бессмысленные технические устройства вроде обувных сушилок или чудо-массажёров.

Были и те, что не умерли, но опустились на самое дно. Как Николай Ионов, надежда отечественной науки, краса и гордость института.

Соседки из пожилых говорили: вот был бы ребёнок... Марина только саркастически усмехалась. Посидели бы у неё в кабинете, послушали бы подробности из жизни семей алкоголиков. Нет у них ребёнка, и хорошо. Одной несчастной судьбой меньше.

Все существующие виды лекарств, психотерапия, кодирование... что там ещё по списку? Пожалуй, только одно средство осталось неиспробованным – паломничество в Серпухов к иконе «Неупиваемая чаша». Его авторитетно советовал один из Марининых бывших подследственных, человек самого несправедливого образа жизни. Марина была готова и на это, но к неупиваемой чаше материалист Ионов не пошёл бы и под конвоем.

Словом, были пройдены все этапы скорбного пути.

И все они привели в никуда.

В редкие периоды просветления Николай очередной раз давал ей слово начать новую жизнь, и она очередной раз верила. Он доставал папку с забытой диссертацией и пытался читать, кому-то звонил, о чём-то договаривался. Делал вид, что идёт нормальная жизнь. Самым ужасным здесь была его нежность. Он был очень привязан к жене. В такие мину-

ты Марина заставляла себя вспоминать его прежнего, и иногда помогало. Ему нужна моя помощь, я могу потерпеть, твердила она себе, когда он её обнимал – как-то очень по-детски, будто самого себя стесняясь. Он просил его запереть – говорил, это поможет, тогда он точно никуда не уйдёт и никому не откроет. Она возвращалась с работы – он встречал её с улыбкой и ждал похвалы. Это стало их игрой; она продолжалась долго, и Марина никогда не знала, партнёры они в этой игре или противники. Но один раз что-то почудилось ей в преувеличенной нежности, с которой он у порога взял из её рук тяжёлую сумку с продуктами.

– Какая же ты у меня заботливая!

Он обнял её, и она почувствовала знакомый ненавистный запах. Откуда?.. Как?..

Отшатнувшись, она воскликнула:

– Ты пил?

– Ну что ты, дорогая...

Он снова полез с поцелуями, но она оттолкнула его и его мерзкий запах. Проклятый запах! Она тонула в нём, как в болоте. Ей казалось, что это зловоние с каждым вдохом входит и в неё, заполняет её целиком, как зараза, от которой не скрыться, которую не смыть... К горлу подступила тошнота, и Марина с ужасом почувствовала, что сейчас её вырвет. Она опрометью бросилась в ванную.

На следующий день она врзала в свою комнату замок. Местного слесаря приглашать не стала, нашла постороннего человека откуда-то из области.

Игры кончились.

Она призналась себе, что ненавидит его. Заливаясь злыми слезами, разрезала пополам все их фотокарточки из семейного альбома, и те части, где весело улыбался атлетический красавец-блондин, выбросила в мусорное ведро. Не просто бросила как попало – положила их сверху, демонстративно, чтоб заметил. Только вряд ли он заметил. Когда жизнь их перешла в эту новую фазу, он вообще перестал что-либо замечать. Время проводил на улице, с такими же, как он сам; домой приходил только спать. Теперь уже она не запирала его дома от алкогольных соблазнов – она запирала дом от него, боясь, что встретит там однажды компанию таких же пьяных полубомжей. Бывало, он ждал у двери, когда она вернётся с работы. Грязный, опухший, вонючий, дремал, привалившись к стене, словно давно потерявшаяся и чудом нашедшая дорогу домой собака. Эту собаку надо было накормить и выдать ей чистую одежду. И так без конца.

Раньше она сгорала от стыда, когда по дороге к дому какая-нибудь встретившаяся соседка сообщала, деликатно понизив голос: «Ваш-то, Марина Андреевна, там, за магазином лежит... Забрать бы его надо. Помочь вам?» Тащить мужа домой под взглядами окружающих было невыносимо. Сейчас она только холодно отвечала: «Сам придёт. Или друзья приведут». И надеялась, что, может, не придёт и не приведут. Надеялась и боялась этого, и смотрела в окно, и в конце концов с ненавистью бежала искать...

Чтоб-он-сдо-ох, чтоб-он-сдо-ох – иногда она ловила себя на том, что повторяет эту фразу под каждый шаг. Как заклинание. Отвлечься можно было только на работе.

Чтоб-он-сдо-ох, чтоб-он-сдо-ох... Автобус кидало из стороны в сторону. Водитель явно торопился домой. Тоже, наверное, с подарками

едет. Миллениум. А для неё лучшим подарком стало бы, чтобы муж исчез. Чтобы раз – и нет его.

И ведь надо же, какая сопротивляемость организма! Ладно количество, но пьют-то они не «Абсолют», а что попало. Палёной водки во-круг хоть залейся, со всеми её сивушными маслами и прочей отравой, и ничего! Этому, по крайней мере, хоть бы хны; так-то полно смертей от метанола, у неё в работе часто такие дела. Но метанол ему, видно, не попадается. Везёт до поры. А вот стояла бы перед ним бутылка с таким суррогатом, нипочём бы Марина его не предупредила. Пусть пьёт. Не её проблемы. И если что, это абсолютно недоказуемо.

Она видела раз из окна, как Николай подобрал стоящую у помойки бутылку. На дне, видно, что-то ещё оставалось. Он посмотрел на свет, понюхал, осторожно сделал глоток. Потом допил всё.

Абсолютно недоказуемо. Абсолютно. Ей ли не знать.

Поворот был таким крутым, что Марина съехала по сиденью чуть не носом в стекло и неожиданно увидела на чёрной зеркальной поверхности своё отражение – глаза сощурены, губы плотно сжаты, на лбу глубокая вертикальная складка. Инстинктивно что-то почувствовав, она резко отвернулась от окна и поймала взгляд стоящей рядом женщины. Женщина сразу отвела глаза, но Марина успела уловить скользнувшую в них жалость. И ещё что-то. Понимание? Или даже... знание? Буд-то та прочла её мысли, которые Марина пока и сама не успела толком осознать.

Женщина сделала полшага в сторону и уже стояла спиной, но её лицо всё ещё было у Марины перед глазами. Профессиональная память быстро перелистывала страницы прошлого. Давнее, давнее какое-то дело. Из детского сада она, кажется. Воспитательница? Муж там был спившийся... Нет, не воспитательница. Медсестра.

Теперь она вспомнила всё. Давно заглохшее чувство стыда охватило её вновь. Что ж, вот они и на одной ступеньке. Обслуживающий алко-голиков персонал, да. Как странно та на неё смотрела! Как-то по-род-ственному. Словно они сестры. Не просто сестры – близнецы. Говорят, близнецы даже думают одинаково...

Ионова снова отвернулась к чёрному стеклу. Тренированный мозг всё не мог успокоиться, мысли возвращались на двадцать лет назад, будто она в той маленькой квартирке что-то забыла и только сейчас вспомнила что.

Оперативник Скворцов зря подтрунивал над молодым следователем Ионовой насчёт избыточности её университетского образования. Не в милиции, а как раз в университете получила Ионова ценнейший совет – записывать и хранить все беспокоящие в расследовании мелочи, пусть они на первый взгляд ничего и не значат. За двадцать три года у Ионовой набралось уже несколько папок таких мелочей. Дело тогда возбуждать не стали, но она помнила – что-то там её зацепило, что-то мешало. Найдутся ли записи?

Автобус уже подъехал к остановке. Люди торопливо выходили и растворялись в темноте. Так же поспешно вышла и Ионова. Обычно она оттягивала возвращение домой, но сейчас летела вперёд, то и дело поскальзываясь на обледеневшем тротуаре. Она даже не стала искать эту женщину среди выходявших – охотничий азарт тянул её в прошлое, по остывшему следу, который теплел на глазах.

В комнате у Николая бормотал телевизор. Значит, дома. Ионова, не раздеваясь, прошла к себе, бросила на пол сумку, открыла шкаф.

Вот он, архив. Торопливая рука выдернула нужную папку. Зашуршали листки. Есть! Да, двадцать лет назад это было.

«Почему она вошла в комнату мужа, Плотникова внятно объяснить не смогла». Не смогла объяснить, значит. А если зашла, чтобы проверить – жив или?..

Марина уже набирала знакомый номер. Скворцов в милиции больше не работал, но они иногда созванивались, поздравляли друг друга с праздниками.

– Да ты что, Андреевна, это когда же было?.. Двадцать лет назад?

Ну ты совсем сбрендил, всё детективы ищешь. Ох, нашли, кого у вас начальником назначить...

– Меня ещё не назначили, успокойся.

– Да тебя только назначь, ты там всех на уши поставишь.

– Кончай балагурить, Ром. Давай, вспомни какие-нибудь подробности...

– Да знаешь, сколько таких дел было? Их полно! Ну, окочурился алкаш какой-то. Ты-то с чего всё это помнишь?

Услышав о её домашнем архиве, Скворцов посерьёзnel.

– Ну ты даёшь, университет... Так у тебя и экспертное заключение должно быть. Там что? Небось, метанол?

Никакого заключения у неё не было. Осторожно, словно боясь спугнуть, она спросила:

– Значит, это ты помнишь, несмотря на двадцать лет?

Трубка помолчала.

– Слушай, следователь... Думать надо было раньше. А сейчас, если хочешь что узнать, у неё самой спроси. У меня в том деле вопросов не было.

Ровным голосом Марина сказала:

– Ладно, Ром, извини, что потревожила. С наступающим.

– И тебя. Ты скажи – зачем ты туда лезешь?

– Не знаю... Автоматически.

Получалось, что звонила зря. Даже Юрий Юрьевич, будь он жив, ничем бы не помог. Но то, что Скворцов помнил обстоятельства давнего дела, кое о чём говорило.

Дальше Ионова ни о чём уже не задумывалась – включился годами отточенный инстинкт, когда сами собой всплывают детали, цепляются друг за друга, как в поворачивающемся калейдоскопе, и вдруг – стоп! – складывается цельная, со всех сторон подсвеченная картинка, где нет ни одного тёмного уголка, ни одной незаконченной линии. Хотя, конечно, всё там недоказуемо...

Подгоняемая этим инстинктом, она позвонила участковому, и он немедленно откликнулся. Да, есть такая, пенсионерка Плотникова. Живёт тихо, подрабатывает массажами. Ходит в церковь. Адрес прежний. Других сведений нет.

Ионова подняла с пола сумку. Идти было недалеко.

Никакого удивления не отразилось на лице бывшей медсестры, когда в дверях она увидела давешнюю автобусную попутчицу. Будто соседка зашла за солью. Не дожидаясь вопроса или хотя бы «здравствуйте», она посторонилась и кивнула нежданной гостье:

– Проходите.

Как выглядит квартира, Ионова, конечно, не помнила. Но поразившая её тогда опрятность кухни сохранилась.

– Чаю... – хозяйка запнулась. – Чаем не побрезгуете? Свежий.

Про себя Марина знала, что изменилась очень сильно. Никто бы теперь не рискнул назвать её красавицей, даже щадящая самолюбие формула «со следами былой красоты» к ней не подходила. Ничего не осталось от фигуры, а на лице увидеть ту самую былую красоту мешала гримаса постоянного напряжения. Раньше это её угнетало, теперь было всё равно. Но глядя на стоящую перед ней тусклую женщину с чайником в руках, она подумала, что та и двадцать лет назад выглядела так же. Интересно было бы посмотреть её свадебные фотографии.

– Налейте. Полчашки, пожалуйста.

В квартире было тихо, только где-то за стенкой работал телевизор. Ионова присела к столу. Главное – правильно начать. Чай – это хорошо, это кстати. «Не побрезгуете» – интересный выбор слова, показательный. И лицо у хозяйки не застывшее, как тогда, а спокойное. Даже уверенное как будто.

– Вижу, вас не удивило, что я пришла?

– Нет, – просто ответила хозяйка, наливая и себе.

В голове у Ионовой уже составилась ключевой вопрос. Она подняла чашку, готовясь непринуждённо его задать, как вдруг раздался грохот, будто что-то упало, телевизор зазвучал громче, в коридоре слышались тяжёлые шаги. Хозяйка вскочила, бросилась к выходу, но не успела – в кухню ввалился кто-то небритый, страшный, распространяя вокруг себя запах перегара.

– Ма!.. Н-ну я же просил чаю! Чаю принести! Н-ну просил же!..

Голос был истерический, всхлипывающий. Человек качнулся и стал хвататься неверной рукой за дверь, но женщина уже подставила плечо, обняла.

– Тихо, тихо, Вася, уже несусь, иди к себе, иди, – она заслоняла его собой, выталкивая в прихожую. – Видишь, не одни мы, иди, иди к себе. Принесу сейчас, я уже заварила, иди, иди, Васенька.

Марина осталась одна. Лица вошедшего она почти не разглядела, поражённая надписью на его до странности свежей – как видно, новой – майке. «Миллениум».

Торопливыми шагами вернулась хозяйка.

– Вы подождите минутку. Я сейчас, я быстро.

Она привычным движением достала доску, нарезала хлеб, колбасу, ловко сделала несколько бутербродов. Несколько секунд, и всё это вместе с чаем стояло на подносе. Подхватив салфетку, она ещё раз сказала: «Я сейчас» и вышла из кухни. Послышались приглушённые голоса – один истеричный, другой ласковый, успокаивающий.

Женщина вернулась на кухню. Лицо её было покрыто красными пятнами нездорового румянца.

– Кто это? Неужели...

Хозяйка села на своё место. Взяла чашку. Рука её дрогнула, и она быстро поставила чашку обратно. Но взгляд устремлённых на Марину глаз был спокоен и ясен.

– Это – моё наказание.

Она не мигая смотрела сквозь следователя, и Марина внезапно почувствовала себя голой. Как на медосмотре. Беззащитной. Нет, чувство было ещё более страшным. Это не перед врачом она, а перед кем-то всевидящим. Перед Всевидящим Оком. «Ты повернул глаза зрачками

в душу» – пронеслась в голове когда-то прочитанная строчка. Марина непроизвольно вжалась в спинку стула. «Это не я о ней, это она обо мне всё знает. Всё обо мне знает... Что она обо мне знает?»

– Наказание это моё. Бог всегда накажет, даже если люди простят.

О ком это она? О каких это людях, хотела спросить Марина, но спросила совсем о другом:

– Разве не наоборот?

Во рту пересохло. Остывший чай не помогал.

– Нет, – в голосе женщины была спокойная убеждённость. – Я тогда думала, что всё, нет больше сил терпеть, только бы этот ужас кончился. Вот он и кончился. А другой начался. Бог наказал. Тяжелее мне никто наказания не даст. Он знает, как наказывать, знает, сколько я вынести могу – и вот, сил-то, оказывается, ещё много. До самого конца моего хватит. Только этим наказанием и живу.

Снова послышался грохот, но теперь она уже не встала.

– Так что ко мне вы поздно пришли. Меня Он уже наказал.

Она помолчала и снова посмотрела сквозь гостью – так, будто заглядывала в завтрашний день.

– Но, если надо, Он любому своё наказание назначит. От Него не спрячешься. От людей можно, от Него – нет. Ему доказательства не нужны. Он и без них всё видит. Я-то знаю.

Твёрдая перекладина стула больно врезалась Марине в спину, и она с усилием отодвинулась, не сводя остановившихся глаз с женщины напротив.

Грохот продолжался. «Ма!.. Ну ма!..» – рычало за стеной. Хозяйка не двигалась. Она сидела очень прямо, в торжественной, даже величавой позе. Руки её спокойно лежали на столе и больше не дрожали.

– Это мой сын. Мне – вот такое наказание дали.

Марина резко встала и вышла. Набросила куртку, рванула дверь, побежала вниз по полутёмной лестнице. Сзади раздался звучный голос:

– Смотри, ведь потом не отмолишь.

Она выскочила из подъезда, и в лицо ударила снежная волна. Навстречу сквозь метель двигался человек с ёлкой. Ах да, Новый год же. Марина посторонилась и затопталась на месте. Сердце прыгало как ненормальное. Надо восстановить дыхание, вот что. Ага, сейчас восстановлю. Трясущимися руками вынула сигарету, затянулась.

Что значит – «потом»? В каком это смысле? Дым щекотал горло, Ионова поперхнулась, закашлялась. Что она там несла, массажистка эта, про какие ещё доказательства? Какое это к ней, Марине, имеет отношение? Никакого! Никакого! И вообще... да как она вообще смеет?.. Марина схватилась за ледяную ручку подъездной двери. Какой тут код-то? Она наугад затыкала пальцем по кнопкам, сию секунду вспомнить цифры, которые называл ей участковый. Дверь не открывалась.

Вокруг вспыхивали и гасли разноцветные гирлянды. В окнах сверкали лампочками высокие треугольники, в которых угадывались нарядные ёлки. Рядом с подъездом кто-то украсил блестящей мишурой куст, и сейчас этот блеск постепенно заметало снегом. Со всех этажей доносились приглушённые звуки праздника, и пятиэтажка напоминала закрытую музыкальную шкатулку, в которой, пока не заведёшь её, мелодии не звучат, но предчувствуются, предслышатся, потому что звучать – единственное её предназначение...

С металлическим скрежетом распахнулась тяжёлая дверь, и из подъезда вышла смеющаяся компания. Марина дёрнулась было вперёд, но вдруг остановилась. Она напряжённо следила, как дверь медленно, с достоинством стала закрываться, закрываться... Клац! – и створки сомкнулись. Она ещё с минуту смотрела на облезлые кнопки домофона, пока не почувствовала, как замёрзли руки.

Зачем она хотела вернуться? К кому она хотела вернуться?

И без малейших аналитических усилий Марина Андреевна Ионова, без пяти минут начальник следственного отделения, поняла, что к кому бы она ни приходила, пришла она только к себе.

Она бросила недокуренную сигарету. Ярко-красный огонёк на мгновение дополнил праздничную иллюминацию, и свежий снег поглотил его короткую, никчёмную жизнь.

Потом не отмолишь.

Дыхание восстановилось.

Надо было куда-то идти.